

Лит. газета, — 1995. — 8 марта, — С.5.

— Нина, у вас очень часто встречается слово “бездна”. Человеческая душа наклоняется над бездной и смотрит туда то глазами, полными детского любопытства, то — ужаса и слез. Но ведь не все люди живут над бездной?

— Нет, не все. И слава Богу! Ведь это же опасно для жизни. Не все, но любой может попасть туда, любой человек.

— А вы живете...

— А я — над ней.

— Это ваше обыкновенное, нормальное состояние?

— Да.

— Писатели-женщины встречаются гораздо реже, чем писатели-мужчины, наверное, из-за того, что для женщины самое главное — это любовь, а все остальное, в том числе и творчество, — как получится.

— Любовь, это очень увлекательно, да, это может наполнить целую жизнь, но у меня слишком мало времени. А вокруг — целый невысказанный мир. И потом, с каких-то пор я заметила, что безобразие, уродство может так же обжигать, как красота. Так же пленять. В художестве пленяет все яркое в мире, одной любви к мужчине мне мало. Хотя увлекательно, конечно. Иногда даже завидно, хочется “женской судьбы”.

— Талант — это всегда крест?

— Да, крест. И я, например, только его носитель, передатчик, посредник. Я сама по себе — никто. Нищета во всех смыслах. Это стопроцентный крест. Даже когда какая-то слава приходит — у меня дискомфорт, тоскливо, неловко за себя и тех, кто принес славу. Потому что это все — не я. Не ко мне обращено. Это абсолютно бескорыстно, понимаете — абсолютно, и оно не требует награды. Оно не для этого явлено миру. Любая хвала несет в себе ложь.

— Хорошо, а для чего оно явлено миру — то произведение, которое снискало славу?

— Для того, чтобы осесть на полках библиотек, в тишине, в полубытьи. Для того чтобы влиться в то, что мы называем культурой. Это неощутимое явление, это не презентация, не “Букер”.

— Сложно, когда в семье два пишущих человека?

— В нашем с Катей (дочкой. — М. С.) случае — нет. Мы друг другу не мешаем. У нас разный художественный мир. Катя — страстный защитник людей, а уж за детей и подростков — боец. Она поразила меня фразой: “подростки — самые таинственные люди в мире”. Это ее мир, который она любит и понимает. А я же — провокатор. Мои герои, как правило, полутемные люди. Я хочу знать, куда они летят и кто они. Я живу в сумраке, а Катя — в свете.

— В качестве людей, оказавших на вас наибольшее литературное влияние, называют Евгения Харитонов и Виктора Розова...

— Ну, это как бы академическая справ-

ка. — Двухтомник Харитонova, изданный “Глаголом”, называется “Слезы на цветах”, ваш вышедший в том же издательстве прозаический сборник — “Ведьмины слезки”. Это не случайность?

Фото Лауры ИЛЬИНОЙ

— Не знаю. Странно... Вы сказали, а мне не приходило в голову. Сейчас уже кажется, что нет...

— В случае с Харитоновым все более или менее понятно, но почему Розов?

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Но я тоже очень консервативный человек. То, что я пишу, — это не авангард. Ведь это от нашей сироты придумано — новая волна, постмодерн, другая литература. Я уже где-то говорила, но могу повториться: это все искусство и суждения об искусстве для слесарей, читающих Кафку. Я не знаю ни одного современного отечественного литературоведа. В лучшем случае это биографы. Когда какой-нибудь известный голговец сообщает с экрана, что Гоголь был очень хороший человек, я гадаю, к чему бы это сказано? Он защитник, что ли, Гоголя?

В том же положении и сам литературный процесс у нас сегодня. Бойкая торговля на Арбате, кто чем может. Поэтому почему бы мне с Розовым не дружить? Я бы стала дружить еще и с Асаром Эппелем, великолепным писателем. Я консервативна также и в своих вкусах, потому что ничего лучше золотого, а потом серебряного века (по убывающей) я не знаю.

— Но ведь в “эпоху соцреализма” были такие писатели, как Платонов, Пильняк, Ремизов...

— Они были выперлены из культурного процесса, они не могли влиять на ду-

Яблоки для королевы

С прозаиком и драматургом
Ниной САДУР беседует
корреспондент “Литературной газеты”
Мария СЕТЮКОВА

ховную жизнь общества в той мере, в какой им положено влиять на нее. Они пришли с перерывом — сейчас. Подпольное знание о них — не то. Кстати, так же обрезан был для нас и золотой, не говоря уж о серебряном веке. Но наша сегодняшняя литература — последыш исключительно соцреализма.

Когда снялись запреты и отменили главлит и цензуру, с чем пришла нынешняя литература? С жалким кулишем в спину все того же соцреализма. Я даже поразила такой зависимостью наших писателей от режима. Это похоже на разбежавшийся зоопарк. Они не осилили свободы. К сожалению, это беда и шестидесятников. Выполняя при режиме социализм на роль вольнодумцев, они сейчас озачены своим местом в литературе. Но в шестидесятые годы были писатели не только шестидесятники. Был Евгений Харитонов, это он разгадал: “И если вы хотя бы даже подумали о НИХ (имеются в виду власти, КГБ), то вы уже работаете на них”. Все-таки Россия больше, чем политика, даже наша, российская. И книги пишутся о России, а о политике — листовки да частушки.

— Каков ваш критерий хорошей литературы?

— Единственный безошибочный критерий литературы — увядает текст со временем или нет. Посмотрите, сейчас никто не знает имени “Вампилов”. А вы перечитайте его пьесы. Они уже навсегда в русской литературе.

— Прозаик Игорь Клеп говорит, что ад он себе представляет как чтение какого-то бесконечного реалистического романа, он считает, что реализм — это очень несовременно...

— Конечно, несовременно, я согласна. Стиль реализма — это аристократизм в литературе. Увы, он беспощаден к пишущему. Он, как рентген, высвечивает всю личность писателя, не давая возможности

лукаво скрыться за “изысками” стиля. Сравните: реалист Лев Толстой и реалист Бондарев.

— Нина, а вы-то кто?

— А я реалист.

— Я знаю людей, которые ни за что не верят, что вы реалист.

— Ну и что же. Стилю свойственно развиваться. Предположим, мы с таким человеком видим яблоко. У него срывается самый первый ассоциативный ряд по поводу яблока, а я, может быть, вижу больше, он мне не верит, но яблоко несет в себе все это знание, и когда я смогу убедить этого маловера с его ассоциативным рядом, тогда это и будет реализм. Ведь читатель, как бы он ни был искушен, все равно втайне говорит: “Ой, это про меня, это я и сам видел, но не замечал”. Я убеждена, что любой читатель несет в себе безграничную возможность восприятия, но не всегда владеет ею.

— Но, с другой стороны, ваши взаимоотношения с языком. Ведь, как правило, в большинстве реалистических текстов язык в известном смысле нейтрален. А слова в вашей прозе не составляют ровную плотную массу. Они выпуклые, шевелящиеся. Ваши взаимоотношения с языком все-таки несколько иные, чем у реалиста в классическом понимании этого слова.

— Язык — это всегда один из моих персонажей. Он для меня магия, заклинание. Я знаю, он все может — все самые смутные, мимолетные ощущения передать, а мне это так важно! Жизнь на самом деле летит с бешеной скоростью, а мне хочется остановить каждый мельчайший миг ее, как драгоценность, потому что он не повторим, и я долблю, долблю язык для того, чтобы последний, тайный смысл слова выудить, с тем чтобы остановить этот незамеченный никем миг. Ведь что такое писатель? Писатель — свидетель жизни. А раз я свидетель, я должна обьявлять всю жизнь. И для этого мне нужен весь язык, со всеми, самыми глубинными

его тайнами. Это похоже знаете на что? Уж раз мелькнула тема зоопарка, опять вспомню. Вы знаете, что людям свойствен интерес к другим жителям планеты?

— Ну да. Мы даже зоопарки строим, чтобы они всегда были рядом с нами. В любой момент прийти и посмотреть.

— Так вот, поиск слова — это примерно то же, что смотреть в глаза тигру. Что красавец и поглядеть хочется, это пустяки, а вот глаза его — в них тайна, которую он никогда не выскажет, в них магия, они моя зависть и мой восторг — они недоступны. Меня христианство учит, что он моя радость, он одухотворен, потому что он тварь Божия, от этого я так радуюсь, но мне всегда мало смотреть ему в глаза, я не могу этим насытиться, я никогда не на-смотрюсь на него. То же и с языком, это бесконечно.

— У вас есть эпизод про рысь...

— Да, я потому и вспомнила. Ведь знаете о чем это? Рысь загрызла доярку, чтобы выпить молоко... Я захотела написать о любовной страсти. Схватить самую суть ее. Страсть коротка, это не любовь, она природе не нужна, это вывих, но отчего такое потрясение душе, зачем она вообще нужна человеку, за что дается и зачем бросает его опустошенным и бесчувственным? Мне кажется, я нашла: страсть — это морда рыси, перепачканная в молоке...

— Нина, а для кого вы пишете?

— А я для всех.

— Вам часто попадают “мертвые души” — среди людей вам знакомых, малознакомых?

— Кажется, мне попадает кое-кто похожий. Мне кажется, что мне попадают сатанисты. Не в том смысле, что сознательные поклонники, а люди, отданные сатане. Но это очень страшно, и я не хочу об этом говорить. Я же хочу сказать о большинстве человечества. Просто не каждый умеет читать собственную душу и собственные ощущения. Человек может жить невещественным миром, а в душе у него глубокая неизбывная тоска, причин которой он не знает.

— У вас ведь тоже есть эта “неизбывная тоска”, просто вы знаете ее причины. Кому же лучше живется: вам или этому человеку?

— Во всяком случае, у него есть возможность отвлекаться.

— А у вас нет?

— А у меня нет. И более того, я бы давала ему все новые и новые игрушки — пусть тешился, только бы не плакал. Понимаете, свобода не каждому по плечу. Пусть он, маленький и нежный, живет со своей красивой машиной, деньгами, модельной подружкой. Это тоже дает ощущение свободы и даже власти над миром. Впрочем, появляются и совсем интересные люди, от которых многого ждешь. Например, я познакомилась с Максимом Туулем, вице-президентом филиала Петровского банка в Москве. Так он серьезно занимается камерной музыкой, сам сочиняет романсы, дает концерты. Таких пока немного людей. Но мне хочется верить, это уже зачатки будущей русской аристо-

кратии. Мы же помним, какими были наши Морозовы, Третьяковы...

— “Неискушенный читатель” ваших текстов живет, вероятно, большей частью в провинции. Вы тоже не коренная москвичка. Что в свое время заставило вас — уже не девочку — бросить Новосибирск и приехать в Москву? Желание учиться в Литинституте?

— Формально да. Но главное, я поняла в какой-то момент, что надо уезжать из Новосибирска. Мне стало его мало. И я считаю — как это ни прискорбно — в какой-то период писателю обязательно надо ехать в Москву, хотя она очень тяжелый город, особенно для приезжих, страшный город, он калечит. Но, чтобы стать настоящим Художником, нужно все самое милое бросить. Ведь провинция — какая она милая! Но слишком комфортная в ней жизнь. Это опасно.

— В последнее время мне достаточно часто попадает проза о коммунальных квартирах. Еще одна “коммунальная проза” Мария Палей... Несмотря на то, что ваши главные героини, обитающие в этом загадочном многокомнатном мире, — милые девушки, не лишённые интеллекта, — тем не менее страшномордые персонажи второго ряда в вашей новой книге — очень типичные коммунальные люди. Почему их так много у вас?

— Потому что это немаловажный срез нашей российской жизни. Коммуналка — гениальная “придумка” тоталитарного режима, рассчитанная на поругание древнейшего инстинкта — собственника. Это равносильно сидению в тюрьме. Этот эксперимент рассчитан на уничтожение личности; неизбывная мечта о коммунизме и всеобщем равенстве воплощена в идее коммуналки. Я тринадцать лет прожила в коммунальной квартире. С полной ответственностью могу сказать, что такой неистребимой ненависти и такого желания смерти ближнему я не встречала нигде, кроме коммуналки. Души деформируются и до самого дна наполняются злом. То есть и здесь коммунисты не промахнулись. Эксперимент удался.

— Сама большая вина героини одной из ваших повестей — перед рыжей собачкой...

— Это моя вина.

— Я догадалась. У каждого человека — и у вас, и у меня — есть на сердце такой необъяснимый грех. Как вы свой или свои грехи замаливаете — страданиями, кровью своей души, вложенной в прозу? Как вам кажется: удастся заслужить или вымолить прощение?

— Мне удастся забыть. Но прощена я или нет — я не могу сказать. Забываю же, только когда переживу. И если напишу.

— Чего вам в данный момент в жизни не хватает?

— Покоя.

— Женщин принято сравнивать с цветами. На какой цветок похожи вы? Может быть, лилия?

— Не знаю, вообще-то я очень люблю чертополох... Толя Маковский — человек из моей юности, поэт, чистейшее, непридуманное безумие (самое отвратительное — жеманное придуманное безумие литератора) посвятил мне строчки, где было написано, что я — королева ужей. Красивый образ.